

МЕЙЕРХОЛЬДОВЦЫ В БЕРЛИНЕ

Первый рейд передового революционного театра *) в иноземные страны. Пограничная станция Негорелое. Замечательная надпись: «Коммунизм сметает все границы». Последний мост наших пограничников; промкое «ура» в нашем вагоне в честь их; ответные крики приветствий, теплое прощание... И вот мы в чужой стране.

«Товарищ» там позади. Мы в вотчине панов. Варшава. Три часа мы имеем право побродить по городу под неусыпным надзором сыщиков. Русская речь вызывает особенно опасливые взгляды прохожих. Воздух густой. На улицах—тыня народа. Но почему такой ошарашенный вид у этих котелков и шляп?

Пан Пилсудский разогнал сегодня сейм. Только что закончилась демонстрация протеста—вот почему такой густой воздух, вот почему не слышно смеха. Обыватель в котелке и шляпе еще не знает, куда ему идти.

Германия. Каждый кусок земли возделан. Каждая дорожка расчищена. Каждое деревцо подстрижено. Бескоронные орлы и на деньгах, и на гос. учреждениях, и на почтовых ящиках строго и сумрачно внушают немцам: «Германия это все-таки, так сказать—республика».

Республика? Улица принца такого-то, цотерна, яхта «Император», памятники всем императорам, герцогини, герцоги, площадь короля такого-то, кафе Гогенграфы в каждом аристократическом уголке города, портреты Фридрихов и Вилггельмов—императоров разных периодов—в каждой комнате среднего буржуа—это в столице Республики, Берлине, великолепно начищенном, сияющем огнями сногшибательных реклам, отраженных как в зеркале, на полированных стенах...

*) Речь идет о заграничных гастролях гостеатра им. Мейерхольда, начатых 1 апреля в Берлине.

Мимо Варшавы. — Берлин, Штреземанштрассе. — Первый спектакль. — Белогвардейская травля. — «Запретить Мейерхольду агитировать!» — «Рычи, Китай» под охраной! — Галерка аплодирует.

Через несколько часов все газеты пестрят заметками, статьями и фотографиями, оповещающими о приезде в Германию мейерхольдовцев.

Театр на Штреземанштрассе, где мы играем, едва вмещает 800 зрителей; сие на редкость неудобная, маленькая, наши конструкции не помещаются; едва вместилось вместо 15 только 8 дверей «Ревизора». Цены дорогие. Солидные фигурки, облеченные в прекрасные смокинги, бриллианты и шелк, аромат духов и сотни биноклей—это зрительный зал премьеры революционного советского театра. Это обстоятельство вызывает удивление и невольно ошарашивает. Прозат? Ведь все сделано именно для провала. На сцене мы чувствуем себя так, как коммунист перед приговором наибуржуазнейшего суда.

Но когда после первых же эпизодов в «Ревизоре» раздаются дружные «браво» и мы выходим на поклон много раз, когда после финала овации не прекращаются полчаса и вызовы достигают 12 раз—мы с удивлением убеждаемся, что вопреки и вопрекор условиям, советский революционный театр прижат, как яркое и высокое явление искусства.

Наши спектакли здесь поразили не только новизной и смелостью, но, по словам газет, и «исключительно высоким мастерством и режиссера и актеров».

Какое обилие статей о премьере! Все газеты, всех направлений, от «Форвертса» до «Берлинер тагеблатт» пестрят большими «подвалами» с рецензиями.

Знаменитый и влиятельный критик Альфред Керр в солидной «Берлинер тагеблатт», с высоты своего величия, язвительно поругивает Мейерхольда, находя, что в спектакле ничего нового нет.

Зато десятки других рецензентов и критиков, защищая «Ревизора», рассказывают и актеров (исключительный ансамбль), и режиссера. 30 больших статей, коротеньких рецензий и заметок; из них только 7 ругательных — вот итоги берлинской газетной прессы о «Ревизоре», не считая разных статей в еженедельниках и не считая белогвардейского «Руля», который, перевирая все, с первого дня приезда ведет отвратительную и гнусную травлю против всех нас.

Особенно острую злость этого «Вруля» вызвал «Рычи, Китай» — «мерзкая агитка с возмутительным содержанием». — пишет «Вруль». Ему вторит одна правая немецкая газета, которая вообще считает, что надо «запретить Мейерхольду агитировать в Германии».

Между тем, вторая премьера «Рычи, Китай» вызвала не меньший успех; после финала актеры вызвались 17 раз. Напряженная борьба между кули и капитаном вызвала восклицания из публики по адресу капитана: «Негодяй!». Накаленная атмосфера борьбы так доходила до «верхнего», особенно галерочного зрителя, что предусмотрительные власти озаботились усилением охраны: вся улица Штреземана, около театра, еще до спектакля, уже была наполнена «парочками» в полицейских мундирах, чинно маршировавшими по тротуарам.

И каждый спектакль «Рычи, Китай» шел под такой бдительной наружной охраной. Мало ли что может быть! В итоге еще 26 рецензий, в большинстве положительных.

«Лес» вызвал такой же успех; даже «Руль» смягчил несколько тоном и принужден сознаться, что И. Ильинский великодушный актер.

«Великодушный рога носец», имея несомненный успех у публики, вызвал разногласия в прессе. «Маститый» Керр снова обрушился на нас, а целый ряд других рецензентов называют этот спектакль откровением.

Борьба вокруг нас начинается. Классовые противоречия отражаются и в зрительном зале: восторг «галерки» и благородное снисхождение первых рядов партера; возмущенные уходы из зала при выносе креста в «Рычи, Китай», и гром аплодисментов галерки на слова кули: «Через двадцать лет капитанский сыщик будет под ногой твоего сына», попытки овиста после наиболее резких сцен, заглушаемые несмолкаемым «браво» — все это существенно отличает спектакли нашего театра от чинных зрелищ, к которым привыкли немцы.

НИКОЛАЙ МОЛОГИН.